

УДК 391/395
Г 93

М.Н. Губжоков (Майкоп)

К вопросу о происхождении фольклорных сюжетов в трудах Хан-Гирея

В статье рассматриваются основные этапы биографии адыгского интеллектуала Хан-Гирея, соотносимые с определенными блоками накопленной им фольклорной информации. Особое внимание уделяется институтам аталычества и кунацкой как этнокультурным феноменам, формирующим в т.ч. и фольклорную составляющую общего багажа знаний молодого человека.

Подчеркивается, что многолетнее пребывание Хан-Гирея вне пределов Черкесии не прервало процесс его становления как ученого-фольклориста, поскольку он продолжал находиться в адыгской этнической среде.

Апробируется ряд гипотез – об аталыческих связях семьи Хан-Гирея и о бытовании института кунацкой у военнослужащих императорского конвоя.

Ключевые слова: Хан-Гирей, черкесы, адыги, фольклор, аталычество, кунацкая, Кавказско-горский полуэскадрон.

M. N. Gubzhokhov (Maykop)

The origin of folklore plots in the works of Khan-Giray revisited

The article discusses the basic legs of the biography of Circassian intellectual Khan-Giray associated with certain blocs of the folklore information accumulated by him. Special attention is paid to the institutions of fosterage (atalichestvo) and a guest house (kunatckaya) as ethno cultural phenomena which shape the folklore component of the total knowledge of a young man.

It is emphasized in the article that Khan-Giray's extended stay outside Circassia did not interrupt the process of his becoming a scientist, a folklorist because he continued to mingle in the Circassian ethnic ambience.

Several hypotheses about fosterage relationships of Khan-Giray's family and about the existence of the guest house institution among the guardsmen of the Caucasus-Mountains' half-squadron of His Imperial Majesty's convoy escort.

Keywords: Khan-Giray, Circassians, Adyghes, folklore, fosterage (atalichestvo), guest house (kunatckaya), Caucasus-Mountains' half-squadron.

Адыгская фольклорная традиция, на протяжении столетий являвшаяся овеществлением национального духа и воплощением исторической памяти, оставила после себя немало блистательных образцов.

Собранные в поэтические антологии и своды или рассеянные по историческим трудам, известные нам в законченном виде либо по сохранившимся фрагментам, по сей день бытующие в живой разговорной речи наших современников либо забытые столетия назад и о существовании которых известно только по туманным намекам и обрывочным свидетельствам сказителей, звучащие в «авторском» варианте либо ставшие сюжетной основой литературных произведений и музыкальных оранжировок, знакомые лишь специалистам или в силу широкой популярности являющиеся своеобразными символами адыгской идентичности – все они дают нам отчетливое представление об общем уровне адыгской словесности и жанровом многообразии изустных текстов.

Не случайно, что это богатство адыгского фольклора было по достоинству оценено первыми адыгскими интеллектуалами, классиками национальной науки. К этой славной плеяде отцов-основателей относится Султан Хан-Гирей (1808 – 1842), пионерские работы которого, независимо от жанра (историко-этнографические труды, художественные произведения или биографические очерки) традиционно насыщены фольклорным материалом. Однако если пальму первенства в сфере собирания и публикации образцов «народной поэзии» Хан-Гирей делит с Шорой Ногмовым, то его все же можно считать первым теоретиком фольклора – уже в «Записках о Черкесии», составленных в 1836 г., Хан-Гирей представил классификационную схему народных песен и преданий, развернутый вариант которой был встроены в текст повести «Черкесские предания», завершённой им в 1839 г.

Естественно, что подобная работа теоретического плана могла быть осуществлена только при наличии у автора значительного объема этнической информации (в т.ч., фольклорного материала), которым он, к тому же, должен был свободно владеть.

У биографов Хан-Гирея всегда вызывало удивление, что человек, который большую часть своей короткой жизни провел вне Черкесии, сумел в своих трудах воссоздать её яркий, удивительно точный и детально проработанный образ. Ведь в отличие от Шоры Ногмова, который как исследователь сформировался в адыгском этническом окружении и в Петербург прибыл 36-летним, Хан-Гирей, в возрасте 13 лет вернувшись от аталыка из Закубанья в правобережный аул его отца Магомет-Гирея¹, в Черкесию более не возвращался, проживая в адыгских анклавах на территории казачьей Черномории – сначала в доставшемся ему по наследству отцовском селении, а затем – в Гривенно-Черкесской станице. Будучи в 1825 г. зачислен на российскую военную службу, Хан-Гирей несколько лет проведёт в практически непрерывных во-

¹ Это могло произойти незадолго до смерти его отца, последовавшей в апреле 1821 г. В то же время есть версия, что именно безвременная кончина отца вынудила Хан-Гирея прервать свое образование у аталыка и вернуться домой.

енных походах против Персии и Турции. В конце 1829 г. он уедет в Петербург для продолжения военной карьеры, вскоре возглавит Кавказско-горский полуэскадрон императорского конвоя и на Кавказ вернется только в 1837 г. с особой миссией, после провала которой попадет в опалу и будет оставлен в распоряжении местного российского командования. Этот период (по крайней мере – часть его) он проведет не только в Ставрополе и Екатеринодаре, за написанием политических проектов, но и в Гривенной, где подготовит к изданию повесть «Черкесские предания». В Петербург он будет возвращаться дважды, и оба раза ненадолго – в ноябре 1839 г., чтобы испросить разрешение начальства на отпуск по состоянию здоровья с апреля 1840 г., и в апреле 1841 г., чтобы уже окончательно выйти в отставку с июня того же года. Годичный «домовой отпуск» он проведет в Гривенной, там же, где и последние полтора года своей жизни.

Воображение человека, не знакомого с реалиями исторической Черкесии, неизменно поражает и то, что столь бурная и насыщенная событиями жизнь Хан-Гирея оставляла ему время для творчества, и то, что автор, очень рано покинувший родину, располагал столь значительным объемом этнической информации для написания поистине энциклопедических трудов. Напомним, что свою главную работу – двухтомные «Записки о Черкесии» Хан-Гирей завершил в возрасте 28 лет – невообразимо рано по меркам России того времени. К примеру – что мог бы не просто вспомнить о культуре своего народа, но и суметь в систематизированном виде изложить недоросль из русской аристократической семьи, оказавшись заброшенным на чужбину в столь молодом возрасте?

Блистательные труды Хан-Гирея – результат удивительного сочетания его природных дарований – любознательности, научного склада мышления, интеллекта и той среды, в которой пришлось формироваться и действовать этому неординарному человеку – среды, которая позволила Хан-Гирею в полной мере самореализоваться и как личности, и как профессионалу.

Необычайно широкий кругозор Хан-Гирея, его осведомленность о различных реалиях современной ему адыгской культуры – прежде всего следствии воспитания его у приемного отца (аталыка).

Функционировавший в среде адыгской знати институт искусственного родства, заключавшегося из политических соображений, имел и другую сторону – педагогическую.

Если воспитание молодежи из среды простолюдинов осуществлялось зачастую случайным образом, без какого-либо строгого плана – по воле обстоятельств, в условиях повседневного быта, то социализация их высокородных сверстников протекала системно и целенаправленно, преследуя формирование Личности, воплощавшей в себе основные рыцарские добродетели черкесской аристократии: мужество, воинское искусство, щедрость, дар оратора, талант политика, знание каноничного права и строжайшее соблюдение дворянского этикета оркь хабзэ.

Все вышесказанное в еще более гипертрофированной форме относилось к потомкам крымских ханов – воспринимавшиеся в Черкесии как чужаки, Гиреи могли рассчитывать только на внешние знаки почитания, а их реальный статус в обществе зависел исключительно от соответствия их личных досто-

инств адыгскому идеалу аристократа [5: 298], что было достижимо только при особой тщательности воспитания молодых хануко. И Хан-Гирея в этом отношении можно счесть исключительно удачным результатом сознательного культивирования этикетной (в самом широком смысле этого слова) личности. Вероятно, именно здесь и следует искать истоки и чрезвычайно успешной и стремительной военной и политической карьеры Хан-Гирея, и той его особой куртуазности, что впоследствии восхищала высший свет Петербурга.

Особое значение для воспитанника имело четкое и детальное уяснение им места его семьи и фамилии в целом, а также родственников по крови, браку и аталыческим связям, в сословной иерархии феодальной Черкесии, в силу чего насущно необходимым становилось безупречное знание аристократического фольклора – песен и преданий, которые в бесписьменной адыгской культуре выполняли функции и хроник, и жизнеописаний героев, и генеалогических древ, и наградных грамот, и юридических документов о древности конкретных родов. И отмечая, что «знание песен вменялось каждому дворянину в необходимость», Хан-Гирей раскрывает один из важнейших источников, из которого он щедро черпал информацию для своих трудов.

Формирование широкого кругозора и постепенное накопление жизненного опыта воспитанником были во многом обусловлены его постоянной мобильностью: вместе с аталыком он присутствовал на общественных мероприятиях, соответствующих его высокому социальному статусу (вначале в качестве наблюдателя): заседаниях законодательных и судебных органов власти разного уровня, при отправлении ритуалов жизненного цикла в семьях аристократии, которые в силу знатности последних по значению явно выходили за рамки местной общины (свадьбы, похороны и прочие ритуалы перехода), при совершении календарной и хозяйственной обрядности.

В памяти подростка навсегда запечатлевались и путешествия, совершавшиеся им вместе с аталыком в разные концы Черкесии – к родственникам и друзьям как кровной, так и приемной семей воспитанника. «Мы были на пути к бесленеевцам» – вспоминает один из таких эпизодов Хан-Гирей.

География подобных поездок должна была быть весьма широкой, ведь семья Магомет-Гирея была связана матримониальными отношениями со знатнейшими фамилиями Бжедугии и Темиргоя, четверо его сыновей были отданы на воспитание к аталыкам из Шапсугии, Бжедугии и, предположительно, Темиргоя и Жанэ¹.

¹ Старшая дочь Магомет-Гирея Милексултан была замужем за бжедугским князем Пшекуем Ахеджаковым; вторая – Алимкосетан – за темиргоевским князем Шумафом Айтековым. Личные данные аталыков сыновей Магомет-Гирея до конца неясны. Так, воспитатель Сагат-Гирея бжедугский дворянин Дударук, вероятнее всего, происходил из первостепенной фамилии Бжегаковых [19: 29]. Предположительно, жанеевцем был аталык Шаган-Гирея (о чем мы еще скажем ниже). Аталык Адиль-Гирея «простой черкесин Абаза Сав» [4: 124], несмотря на наличие среди адыгов нескольких групп однофамильцев Шаовых разного субэтнического и социального происхождения [16: 236-238], по нашему мнению, может быть отнесен к темиргоевским дворянам. Примечательно, что по информации, собранной М.Ю. Унароковой, дворянская ветвь темиргоевцев Шаовых, проживающая в ауле Кабехабль, сохранила память о своих аталыческих отношениях с Хануковыми (Гиреями) [Устное сообщение М.Ю. Унароковой].

Сам Хан-Гирей был отдан на воспитание в дом «почетного старшины», «одного из самых замечательных народных предводителей шапсугских того времени» [14: 473]; имя его, предположительно, Хассан, фамилия неизвестна.

Для любознательного подростка языковое, культурное и социальное своеобразие этих этнографических групп было легко заметно, как, впрочем, и сословные различия фамилий, связанных с его семьей узами аталычества.

Эта всемерная пестрота и мозаичность, требовавшая объяснения, наверняка находила свое обоснование в продолжительных и обстоятельных повествованиях представителей старшего поколения, что и предопределило в дальнейшем неугасающий интерес Хан-Гирея к преданиям, раскрывающим происхождение как отдельных родов, так и целых субэтнических групп, давших название вышеупомянутым этнографическим областям. Однако особое внимание в своих трудах он уделял Шапсугии, в которой провел детство по обычаю аталычества)¹.

Жизнь Хан-Гирея является еще одним подтверждением старой истины, что багаж знаний и личных впечатлений, полученных в детские и отроческие годы, сопровождает человека на протяжении всей его жизни, зачастую накладывая неизгладимую печать на его мировосприятие и поступки, совершаемые им уже в зрелом возрасте. Благодаря эпизодам воспоминаний, во множестве разбросанным по трудам Хан-Гирея, мы можем воочию наблюдать протекавший в его сознании процесс материализации событий личного прошлого.

Это касается в том числе и фольклорных произведений – сохранив в памяти эмоциональный настрой и детскую экзальтированность, с которыми он когда-то воспринимал эти тексты, Хан-Гирей впоследствии переосмыслил их и дополнил другими источниками.

Так, воспроизводя в памяти «неизъяснимые чувства», связанные с услышанной в шестилетнем возрасте «песней о страдальческой смерти наездников» и вспоминая одного из ее «сотворцов» Шабана-лаше [14: 464-465], Хан-Гирей весьма далек от некогда присущей ему восторженной идеализации этого своеобразного института: последнему просто не находится места в картине мира Хан-Гирея – автора проектов о «гражданственном» переустройстве адыгского общества.

Одним из событий, глубоко врезавшихся в детскую память Хан-Гирея, стало полное небывалых для подростка опасностей путешествие «к беслене-

¹ К сожалению, мы можем только предполагать, в каком возрасте Хан-Гирей покинул дом своего отца и сколько аталыков у него было. Все биографы Хан-Гирея обращают внимание на упоминание им шапсугского старшины, которому он был «отдан на воспитание» и у которого находился «три или четыре года» [14: 473]. Другой знаковый эпизод из его воспоминаний – поездка к бесленеевцам, которую он в возрасте неполных двенадцати лет (т.е. весной 1819 или 1820 г.) совершил вместе с «дядькой» Хассаном [14: 522]. В «Наезде Кунчука», в лирическом отступлении о песне, сложенной погибающими наездниками, имеется очень важное свидетельство о детских годах Хан-Гирея: «старшему из нас было не более шести лет» (т.е. это было не позднее 1814 г.); и здесь же содержится уточнение о его местопребывании: «Не знаю, чем бы мы были, если б нам суждено было расти на родине...» [14: 464-465]. Таким образом, если взять за основу сведения Хан-Гирея о его трех- или четырехлетнем пребывании у аталыка, ясно, что и в шесть, и в двенадцать лет он не мог находиться у одного и того же лица.

Впрочем, ремарка из «Наезда Кунчука» может иметь и принципиально иное толкование, если под «родиной» (где, исходя из авторского контекста, процветает наездничество) понимать покинутое Магомет-Гиреем Закубанье: ведь в казачьей Черномории наездничество, «искрами сильной страсти» к которому «воспламенялось ребяческое воображение» Хан-Гирея и его сверстников, находилось вне закона. Следовательно, раннее детство, до отъезда к шапсугскому аталыку, Хан-Гирей мог провести под родительским кровом, в ауле на правом берегу Кубани, куда Магомет-Гирей переселился из своего бжедугского домена в конце 1811 г. [15: 57. Цит. по: 4: 21-22], когда его сыну не было еще и четырех лет.

евцам», проделанное им вместе с аталыком. Ехать пришлось через «страшный» и «мрачный» лес Тхатчех, в окрестностях которого промышлял грабежами разбойник Донекей.

«По возвращении нашем домой, – вспоминает Хан-Гирей, – я рассказывал своим ровесникам все, что слышал у бесленеевцев о славном разбойнике, которого имя пользовалось громкою известностию между всеми адыге» [14: 522].

Ломающий привычные стереотипы, устрашающий и одновременно притягательный образ Донекея, находящегося вне закона, был столь увлекателен, что «победителей в наших детских играх, – отмечает Хан-Гирей, – в борьбе и метании камней обыкновенно называли Донекеем» [14: 522]. Впоследствии Хан-Гирей трижды (!) обращался к этому персонажу при написании своих трудов: в «Записках о Черкесии» [14: 177], «Черкесских преданиях» и очерке «Князь Пшьской Аходягоко».

Примечательно, что в последней из этих работ Хан-Гирей приводит свидетельства о Донекее, почерпнутые у простолюдинов (в частности, от жившего в его ауле грека-торговца), что говорит о его известном демократизме и умении привлекать источники, исходящие не только из аристократического круга. Впрочем, в противном случае его труды явно утратили бы свою энциклопедичность.

Кажется, в детстве Хан-Гирея не было ни одного эпизода, из которого он не вынес хотя бы крупицу жизненного опыта и не пополнил свой багаж знаний. Так, излагая на страницах «Бесльния Абата» обстоятельства трагической гибели молодого князя Комео, услышанные на его похоронах, он пишет: «Я был свидетелем погребения тела этого храброго князя, и хотя прошло с тех пор более двадцати лет¹, но помню хорошо – с каким презрением говорили тогда о гнусном участии, принятом в его убийстве Ногоем» [14: 483], т.е. тем самым князем, благородство и рыцарское великодушие которого Хан-Гирей с восторгом описал ранее в этом же очерке [14: 481-482]. И хотя пространные рассуждения о двуличии адыгской аристократии принадлежат уже зрелому Хан-Гирею, ясно, что еще подростком он четко осознавал всю противоречивость и сложность окружающего мира, картина которого, насыщенная полутонами и оттенками, уже не соответствовала его прямолинейным детским представлениям о добре и зле.

Возвращение Хан-Гирея от аталыка домой, в селение Магомет-Гирея (описание этого обряда в «Записках о Черкесии» явно преломлено им через призму личного опыта) и кончина отца² знаменовали собой начало принципиально нового этапа в его жизни.

Образ отца, сохранившийся в памяти Хан-Гирея, неотделим для него от истории всего клана бжедугских Гиреев – не случайно, что именно с их родос-

¹ Следовательно, около 1820 г., когда 12-летний Хан-Гирей еще находился у аталыка.

² Последовательность двух этих событий является предметом для дискуссий. В хронологии событий жизни Хан-Гирея, составленной его биографом А.Д. Вершигорой, самое раннее документальное свидетельство о нем относится к 16 апреля 1821 г. (через 12 дней после кончины отца), когда он проживал уже на правом берегу Кубани [4: 36].

ловых преданий начинается очерк, посвященный его отцу. Судя по обилию подробностей, вероятно, что это была информация, циркулировавшая в семье Магомет-Гирея, азы которой будущий этнограф и фольклорист мог усвоить еще до отъезда к шапсугскому аталыку. Запомнились ему и овечьные легендами фамильные реликвии, в том числе, привезенные его дедом из стамбульской оружейной палаты и впоследствии упомянутые им в очерке как «доселе хранящиеся у внуков» (вероятнее всего, у самого Хан-Гирея, как старшего из оставшихся в живых сыновей Магомет-Гирея).

Подробности же биографии и политической деятельности отца, уже ставших частью фольклора, Хан-Гирей собирал вплоть до конца 1840 г., когда жизнеописательный очерк «Сераскир Султан Мугаммед-Гирей» был завершен. К числу наиболее осведомленных рассказчиков наверняка относился и зять Хан-Гирея, бжедугский князь Пшекуй Ахеджаков: не случайно, что именно в его беллетризованной биографии дважды упоминается Магомет-Гирей, в том числе – как автор проекта социального переустройства Бжедугии [14: 520, 540].

Мы уже никогда не узнаем, каковы были взаимоотношения между Хан-Гиреем и его родителями. Проведший почти все детство вне родного дома и похоронивший отца в 13 лет, а мать – двумя годами ранее, свою затаенную боль от этой утраты он выразил в «Записках о Черкесии», указав в таблице географических объектов месторасположение мавзолея, в котором покоились его родители [14: 65, 67]. Вероятно, что некие эмоционально окрашенные эпизоды истории его семьи могли содержаться на недошедших до нас страницах очерка «Сераскир Султан Мугаммед-Гирей».

Суровая жизненная школа, которую вынужденно пришлось пройти Хан-Гирею, способствовала его раннему взрослению и расширению представлений об окружающем мире. Оставшись наследником отцовской вотчины, он должен был теперь заниматься массой повседневных дел: осваивать специфику земледельческого хозяйства, заботиться о близких, разрешать возникающие проблемы и конфликтные ситуации, не выходя за рамки общепринятых норм права и этики. Весь этот многообразный и уникальный даже для адыгской среды опыт впоследствии также дал обширный материал для написания его разносторонних трудов. Так, например, на практике ощутив себя владельцем и дворян, и крепостных крестьян, Хан-Гирей мог теперь аргументированно рассуждать об особенностях сословного строя, о посредничестве и поручительстве, договорных отношениях между сюзеренами и подвластными.

В качестве главы семьи, в начале 1822 г. Хан-Гирей выдает замуж свою сестру Алимкосетан – торжество, посвященное этому событию, он описал в «Записках о Черкесии»: «Тчемргойский князь Мсост Айтеков, собрав множество князей и дворян Тчемргойского и окрестных владений, отправился за невестою младшего своего брата князя Шумафа Айтекова». Упомянув «торжественные увеселения» в гиреевском ауле, «которые надолго останутся в памяти черкес», и в которых «утопали» приехавшие за невестой [14: 306], Хан-Гирей здесь же делает отсылку к соответствующим главам «Записок», где подробно раскрываются обряды свадебного цикла и народные игры.

Бескрайние просторы правобережной Кубани, где отныне предстояло жить Хан-Гирею, были издревле освоены адыгами не только в хозяйственном плане: они были неотъемлемой частью этнических представлений о внешнем мире, будучи знакомы каждому адыгу по старинным песням и преданиям.

Эта воображаемая карта была густо испещрена топонимами, каждый из которых, даже утратив за давностью лет географические ориентиры, сохранял четкие фольклорные координаты. По этой степи, усеянной курганами, прокатывались бесчисленные орды кочевников. Отсюда отправлялись в многомесячные странствия-зекЮ легендарные нарты, а в исторически обозримые времена – адыгские наездники, доходившие в своих военных экспедициях до Азова и Крыма, а устремляясь на восток – до Дербента, Астрахани и заволжских степей. И не случайно, что мифологические мотивы преодоления пространства, героического испытания, так или иначе связанные с темой дальних походов, неосознанно звучат в прозе Хан-Гирея.

Здесь, на границе оседлого мира и Великой Степи явственно ощущалось мерное дыхание истории. И даже знакомые с детства сюжеты обретали особый смысл и звучание, еще прочнее врезаясь в память, чтобы быть впоследствии положенными на бумагу. Многие из них дошли до нас только благодаря их изложению Хан-Гиреем.

В пределах прямой видимости от гиреевского аула находился крутой мыс, происхождение названия которого – «Кунчуков спуск» – легло в основу одноименного литературного труда Хан-Гирея, который, в свою очередь, является литературной обработкой соответствующего народного предания (кстати, именно как «предание» Хан-Гирей и определил жанр своего произведения, подчеркивая его связь с фольклорным первоисточником).

Вероятно, что именно в этот же период пребывания в степном краю (и особенно – после переезда в апреле 1822 г. в Гривенно-Черкесскую станицу), в сознании Хан-Гирея оформляется жанеевский пласт фольклорной информации, впоследствии ставший для него неисчерпаемым источником сюжетных линий и персонажей. В отличие от других локальных групп адыгов, существовавших в эпоху Хан-Гирея, княжество Жанэ переживало необратимый упадок и было уже, в известной степени, фактом истории. «Теперь лишь темные предания об отчаянных и рыцарских их подвигах приводят в ужас и удивление настоящее поколение черкес», – характерным для него возвышенным слогом напишет впоследствии о жанеевцах Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» [14: 166], приведя здесь же исторический анекдот об их самоотверженном противостоянии Крыму [14: 273-274]. Вообще, следует отметить, герои жанеевского происхождения занимают непомерно большую долю в его трудах. Так, «Черкесские предания» целиком построены на жанеевском фольклорном материале; колоритные типажи жанеевцев выписаны им в повестях «Князь Канбулат» (княжеская семья – покровители главного героя) и «Наезд Кунчука» (сотоварищ главного героя по набегу), очерке «Бесльный Абат» (старший князь жанеевцев Непдахоко и молодой князь Комео).

Для Хан-Гирея обращение к яркому образу исчезнувшего княжества – не только дань искреннего уважения минувшему. Прошлое для него живо и ак-

туально в силу знакомства с последними хранителями исторического и фольклорного наследия Жанэ (например, дворянами Гусаровыми, проживавшими в Гривенной) и, более того, в силу предполагаемого родства с ними: есть версия, что аталык Шагин-Гирея, одного из братьев Хан-Гирея, «князь Натоук» (как он фигурирует в российских источниках), до 1820 г. проживавший со своим воспитанником на правом берегу Кубани, может быть отождествлен с вышеупомянутым жанеевским князем Непдахоко.

Гривенно-Черкесская станица, ставшая отныне домом для юного Хан-Гирея, его семьи и подданных, хотя и была населена адыгами, типичным черкесским аулом не являлась, отличаясь мозаичностью и в субэтническом, и в социальном отношении, образуя смешение классических феодально-владельческих вотчин, подобных гиреевской, и домохозяйств свободных черкесов. Это искусственное образование было создано в 1799 г. на ставшем российским правобережье Кубани по решению царского правительства для тех адыгов, которые по причинам политического или уголовного свойства не могли оставаться на территории Черкесии и готовы были платить за это покровительство регулярным или эпизодическим участием в боевых действиях против соплеменников. Так, в станице проживала семья фактического основателя Гривенной, полковника казачьей службы Султана-Али Шеретлукова (ум. в 1813 г.) – шапсугского владельца, одного из главных действующих лиц бзийюкской эпопеи. Именно здесь Хан-Гирей мог услышать предысторию социального конфликта в изложении шапсугских аристократов. Впоследствии, вскрывая в своих трудах причины общественного переворота у «демократических» адыгов, Хан-Гирей дополнит эту версию двумя другими, бытовавшими соответственно среди бжедугов и шапсугских фокотлей. И здесь Хан-Гирей продемонстрирует одно из своих ценнейших качеств исследователя – стремление использовать все, даже заведомо противоречащие друг другу источники для реконструкции исторических фактов, при этом особую значимость для него приобретали свидетельства современников (и прежде всего – участников) событий¹.

Еще один литературный эпизод, в основу которого легли свидетельства из враждебных лагерей – описание трагедии в Калаусском лимане (1821 г.). Но если воспроизведенная Хан-Гиреем шапсугская версия – в силу гибели очевидцев – ограничивается упоминанием неучастия легендарного Казбича в этом набеге, то взгляд с российской стороны границы изобилует множеством подробностей. И это неслучайно, поскольку главным информантом калаусской трагедии, по нашему мнению, являлся Пшекуй Могукоров – житель Гривенной, наставник и будущий зять Хан-Гирея. Впоследствии дослужившийся до генерала, П. Могукоров, с юных лет принявший сторону России, в злощастную ночь «страшного этого происшествия» находился в рядах казаков.

¹ «Я помню, когда тело моего отца привезли, на нем все платье было в крови...» – рассказывал Хан-Гирею один из бжедугских дворян [14: 473]. «Не бжедуги, а Бог нас истребил в наказание за нашу гордость!» – говорил Хан-Гирею его шапсугский аталык, лицо которого было обезображено шрамом – напоминанием об «ужасном дне Бзийского поражения» [14: 473].

Примечательно, что на особую осведомленность этого лица обратил внимание еще М.О. Косвен, считавший, что именно П. Могуков мог служить основным источником информации при составлении российским разведчиком Г.В. Новицким географо-статистического описания Черкесии [10: 201. Цит. по: 19: 55].

Важнейшим этапом в жизни Хан-Гирея, оказавшим решающее влияние на формирование его общественно-политических взглядов и на становление как ученого и литератора, стал период его пребывания на российской службе. И речь идет не только о приобретении исследовательского опыта и пробе пера¹ – на этот период приходится дальнейшее накопление Хан-Гиреем этнической информации об адыгах и определение им самой роли фольклора в качестве источника его научных трудов и литературных произведений.

То, что это происходит в России – кажущийся парадокс, поскольку даже находясь вдали от Черкесии, Хан-Гирей не выпадал из привычного этнокультурного пространства, пребывая в окружении сослуживцев по Кавказско-горскому полуэскадрону, который он возглавил в 1832 г.

Служба в Петербурге свела Хан-Гирея с целым рядом адыгских интеллектуалов, служивших в Кавказско-горском полуэскадроне – Ш.Б. Ногмовым, С. Казы-Гиреем и А.М. Мисостовым, взаимовлияние которых трудно переоценить. Этот аспект получил подробное освещение в трудах С.Н. Жемухова [6: 20-35].

Хан-Гирей, так же, как и Шора Ногмов, впоследствии писавший свои труды «по преданиям» адыгов, рассматривает фольклор как важнейший источник для воссоздания прошлого своего народа. «Если бы в древних песнях черкесских <...> означались эпохи происшествий, в них воспетых, то они могли бы во многом заменить историю предков настоящего поколения», – напишет он в «Записках о Черкесии» [14: 97], а в «Бесльние Абате» еще раз поставит знак равенства между историей и фольклором: «В истории или, справедливее, в исторических преданиях шапсугского племени...» [14: 475].

Однако если для самих адыгов достоверность фольклорных исторических текстов не подвергалась сомнениям («Наша история – это наши песни» – утверждали адыгские старцы [17: 27]), то для русской научной традиции, уровню которой стремился соответствовать Хан-Гирей, этого было уже недостаточно. В силу этого, по мере возможности, в исторических разделах «Записок о Черкесии» он старается привлекать уже опубликованные источники (например, при изложении истории кабардинцев, которые ранее других адыгов вступили в контакт с Россией), а в случае их отсутствия опирается на «исторические народные предания». Следует отметить, что Хан-Гирея в целом отличает от Ш. Ногмова использование в своих трудах большего числа видов и жанров фольклора, а

¹ Отсылки к текстам русских поэтов, встречающиеся в трудах Хан-Гирея, типологическое сходство последних с творчеством русских романтиков, замеченное литературоведами – все это позволяет говорить о Хан-Гирее как явлении не только адыгской культуры, но и как писателе, творившем в рамках магистрального в тот период направления – русского романтизма. Значительное влияние на структуру работы, стиль подачи материала, содержание некоторых глав и общий идеологический настрой «Записок о Черкесии» оказали и труды целого ряда русских и иностранных историков (не случайно, император Николай I назвал Хан-Гирея «черкесским Карамзиным»).

также привлечение разнотипных источников, прежде всего – этнографического плана, что объясняется различиями в их специализации и своеобразием задач, которые ставили перед собой эти адыгские просветители.

В Петербурге же и Хан-Гирей, и Ш. Ногмов создают свои версии адыгской письменности. Примечательно, что это феноменальное достижение необходимо Хан-Гирею не только для утилитарных целей (вспомним, что алфавит Грацилевского использовался военными служащими полуэскадрона именно для переписки); свой алфавит он предназначает для более высоких – научных – целей: «мною была составлена азбука для этого [черкесского – М.Г.] языка, и первоначальный успех, состоящий в том, что я мог новыми буквами писать черкесские предания, меня совершенно уверил в возможности этого столь важного приобретения...» [14: 84]. Возможность письменной фиксации изустных текстов позволила Хан-Гирею подняться на качественно новый уровень изучения адыгского культурного наследия, насытить научные и литературные труды фольклорным (и шире – этнокультурным) материалом.

Как сказано выше, в период службы в Петербурге Хан-Гирей значительно пополнил имевшийся у него объем разносторонней информации об адыгах и других народах Северного Кавказа, чему способствовал ряд немаловажных обстоятельств.

Весьма существенно, что служба в полуэскадроне не была чересчур обременительной и оставляла достаточно свободного времени как для всадников, так и для их командира. Будучи не «паркетными» охранниками, а «парадными» конвойцами, экзотическим украшением императорского окружения, они были весьма нечасто задействованы в смотрах, парадах, учениях, маневрах, сопровождении выездов царского семейства и встречах его венценосных гостей. Судя по перечню и датам изъятых Хан-Гирею монарших благоволений, такие крупные мероприятия имели место только несколько раз в году [19: 38].

Являясь высокопрестижным и символическим приобретением российской короны, кавказское подразделение было предметом постоянного внимания царской администрации. Его служащие, аристократы по рождению, были изолированы от прочих, в т.ч. казачьих, частей императорского конвоя, имели особые права и располагали гораздо лучшими условиями при обустройстве быта.

Можно предположить, что адыгские дворяне, оказавшиеся вдали от родины, но в окружении соплеменников и других представителей кавказской элиты, пытались воспроизводить привычный для них образ жизни. Будучи профессиональными военными, они, хоть и нечасто, но все же получали возможность реализовать свои воинские наклонности и таланты. Логично, что и вне службы они должны были стремиться воссоздать привычную среду обитания и традиционную модель бытового поведения.

И естественным шагом на пути к этому было бы их обращение к институту гостевого дома (хьакIэщ или кунацкой), функционировавшему в рамках мужского социокультурного пространства и в границах территории, отводимой исключительно для мужчин при структурировании жилищно-поселенческого комплекса [8].

Для современных исследователей эта уникальная многоплановая институция «представляется в первую очередь как мужской клуб, высокостатусная

коммуникативная площадка, способствующая поддержанию норм морально-правового кодекса Адыгэ Хабзэ, трансмиссии важнейших социокультурных навыков и компетенций» [12: 26]. И именно по принципу следования строжайшим канонам коммуникативного поведения в кунацкой и за ее пределами происходило разделение окружающих конвойцев людей по признаку «свой» – «чужой», выстраивание незримой, но непроницаемой стены, отделяющей выходцев с Кавказа от прочих сослуживцев.

Важнейшая, на наш взгляд, коммуникативная функция гостевого дома могла реализовываться по нескольким направлениям, соответствуя жизненно важным потребностям адыгских воинов. Гостевой дом, воссозданный в чужом городе – мрачной имперской столице, словно переносил конвойцев на далекий Кавказ, позволяя им ощутить себя в привычной, едва ли не в домашней обстановке, снижая уровень тревожности и снимая психологическое напряжение.

Через кунацкую происходило плавное, безболезненное «вхождение» в воинское сообщество новобранцев, прибывших с Кавказа. Этим же путем становились общим достоянием новости из дома, сообщавшиеся приехавшими земляками или поступавшие посредством писем¹.

Кунацкая могла выполнять и свойственные ей на Кавказе задачи межпоколенной трансмиссии этнической информации, вовлекая в свою орбиту не только служащих полужэскадрона (возраст которых сильно различался – так, к 1839 г. он составлял от 19 до 40 лет)² [9: 105], но и «малолетних воспитанников из горцев» – ведь одновременно с кавказскими конвойцами в Петербурге находились десятки их юных соплеменников (в т.ч. и родственников³), обучавшихся в Дворянском полку и кадетских корпусах и требовавших моральной поддержки и покровительства старших⁴.

¹ В своих трудах Хан-Гирей упоминает несколько событий, случившихся уже после его отъезда с Кавказа, информацию о которых он получил одним из вышеописанных путей, например, о переселении князя Алкаса Хаджимукова в Темиргой в 1833 г. («...кончил он дни свои в изгнании из своей родины») [14: 163]. «Однажды, после обеда, мы играли в шахматы, – вспоминает Хан-Гирей другой эпизод. – Это было в Петербурге, весной 1837 года. Входит один из наших. «Получены, – говорит, – с Кавказа письма, и пишу, между прочим, что Бесльхий Абат умер...»» [14: 509].

² Первоначальный состав кавказских конвойцев был еще более юным – их возраст составлял от 16 до 25 лет [9: 105]. Однако впоследствии, в соответствии с требованиями командующего Императорской Главной квартирой А.Х. Бенкендорфа, в ведении которого находился полужэскадрон, на службу в Петербург стали предпочтительно избираться люди «средних лет», «возмужалые» и «опытные» [13: 87, 97] и, следовательно, заметим в контексте настоящей работы, уже имевшие значительный багаж знаний в сфере своей этнической культуры.

³ Как, например, младший брат Хан-Гирея Адиль-Гирей – воспитанник 2-го Кадетского корпуса [4: 141].

⁴ По свидетельству Д.А. Клочкова, «хотя формально воспитанники [Дворянского полка – М.Г.] не были частью конвоя, они постоянно принимали участие в совместных маневрах под командованием конвойцев и поставляли кадры юнкеров и младших офицеров для л.-гв. Кавказско-горского полужэскадрона» [9: 79]. Вполне показательно, что на картине Г.Г. Чернецова «Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 г. на Царицыном лугу в Петербурге» (1837), малолетние воспитанники-горцы военно-учебных заведений изображены рядом со служащими Кавказско-горского полужэскадрона [9: 23, 48]. О существовании еще более тесной связи между этими двумя возрастными корпорациями свидетельствует более поздний пример середины 1840-х гг., когда сына имама Шамиля Джамалутдина – почетного пленника, обучавшегося в кадетском корпусе, периодически «брали к себе те черкесы, которые служили в конвое Его Величества» [9: 81].

Независимо от того, какое из помещений, находившихся в распоряжении кавказских конвойцев, избиралось в качестве хачеца, оно неизменно надеялось постоянным или ситуативным сакральным статусом. Поэтому можно предположить, что именно в гостинном доме, по законам адата и / или шариата происходило урегулирование «внутриобщинных» конфликтов и правонарушений, о которых далеко не всегда ставилось в известность царское командование. Вероятно, что свою роль в этом примирении играл и эфенди полуэскадрона, традиционно пользовавшийся большим авторитетом среди всадников конвоя.

Однако важнейшим поводом посещения кунацкой было все же проведение досуга, каковое в зависимости от ситуации и состава участников, могло варьироваться в весьма широком диапазоне – от тривиальной беседы на бытовые темы и игры в шахматы до ритуализованного застолья и полномасштабного игрища с танцами. Именно здесь, в состязательной, нередко игровой форме, и проходила своеобразная самопрезентация, приобретался авторитет среди земляков, появлялась возможность заявить о себе, как блестящем рассказчике, знатоке фольклора и застольного этикета, исполнителе-шичепщи-нао или танцоре.

Разносторонность массива этнокультурной информации, содержащейся в коллективной памяти конвойцев (что имело особое значение для будущих штудий Хан-Гирея), определялась тем, что полуэскадрон (как это, собственно, и предусматривалось замыслом царского командования) являл собой модель Кавказа в миниатюре – здесь были представлены многие из субэтнических групп адыгов, а также выходцы из других народов региона – в период службы Хан-Гирея в Петербурге это были ногайцы, кумыки, чеченцы, абазины и лезгины [13: 49, 97]. И эта этническая и локальная неоднородность присутствующих в гостинном доме придавала особое своеобразие и зачастую непредсказуемость сценарию происходящего действия. В силу того, что модели поведения в хачеце были строго ритуализованы, а ряд действий табуирован, использовалась специфическая лексика и фразеология, соблюдалась иерархия ролевых функций [12], словесные баталии оставались в рамках этикета. Непростая история взаимоотношений внутри адыгского мира, а также между кавказскими народами, несовпадение этнических представлений – все это выплескивалось через фольклорные тексты. Естественно, что на воспроизводимых текстах сказывался и гендерный фактор: это был суровый мужской взгляд на исторические реалии.

Подобная бурлящая, творческая атмосфера была поистине драгоценной находкой для Хан-Гирея, важнейшим источником знаний о народах Кавказа¹ и питательной средой вызревающих в его сознании трудов. Это была инфор-

¹ Косвенным свидетельством наличия у Хан-Гирея материалов не только об адыгах, но и о других народах региона, является сама формулировка высочайшего указания, переданного Хан-Гирею А.Х. Бенкендорфом: «Из разговоров твоих, Гирей, заметно, что ты таки порядочно знаком с историей горских кавказских племен. Государю императору <...> угодно, чтобы ты написал собственно для него записку о горских племенах, о которых, как слышно, ты кое-что уже имеешь у себя написанное» [3: 40].

мация самого разного плана, способная стать основой как сухих обобщенных таблиц в «Записках о Черкесии», так и «живых» биографических очерков вроде «Бесленя Абата» и «Пшекуя Ахеджакова», а также научно-популярных работ и беллетристики. Объем накопленного материала уже к 1836 г. был столь велик, что когда Хан-Гирею по указанию императора пришлось спешно переключиться на создание обобщающего труда, часть записей еще не была систематизирована. Так, перечисляя в соответствующей таблице «Записок о Черкесии» егерухаевские аулы, автор с досадой констатирует, что «название девятого затеряно в моих бумагах» [14: 154].

Естественно, что Хан-Гирей мог получать интересующие его материалы и вне пространства гипотетического гостиного дома. Наверняка, он пользовался любой предоставлявшейся возможностью, чтобы интервьюировать сослуживцев и в индивидуальном порядке.

Специфический военный характер службы Хан-Гирея нисколько не препятствовал его обширным собирательским планам. Выступление конвоя за пределы Петербурга для участия в маневрах и пребывание во временных лагерях приводило всадников полуэскадрона в радостное возбуждение, вызывая у опытных воинов ассоциации с полевыми кошами наездников и настоятельную потребность в воспроизведении соответствующего фольклора.

Эта же ситуация повторилась во время польской кампании 1831 г., когда многомесячное участие конвойцев в боевых действиях неизбежно должно было актуализировать фольклорную составляющую военной субкультуры. Тем самым, имела место уже многократно повторявшаяся (и не раз описанная адыгскими авторами)¹ ситуация – воины, идущие в бой, вдохновляются подвигами предков, изложенными в песнях.

Как нам кажется, важным рубежом в творческой деятельности Хан-Гирея стало его знакомство с Бесленеем Абатом – шапсугским дворянином, известным политическим деятелем Западной Черкесии, в 1834 г. приехавшим в Петербург в составе делегации «почетных старшин различных племен».

Будучи вовлечена во все основные политические события последних десятилетий, эта знаковая персона стала для Хан-Гирея источником неисчерпаемых сведений о Черкесии. В частности, благодаря продолжительным рассказам Бесленя, представления Хан-Гирея об эпохе социальных перемен в Шапсугии, и без того достаточно полные, приобрели законченный вид.

Общение с Бесленеем Абатом и прочими «почетными старшинами» позволило Хан-Гирею прояснить для себя ряд спорных моментов этнополитической картины Черкесии: «Однажды мы разговаривали о происхождении и

¹ «Древняя песня о знаменитом изгнаннике, которому предки бжедугов с таким удивительным самоотвержением оказали покровительство, теперь раздавалась в устах их потомков, конечно, не достойных героев древних песен, но все еще храбрых, отважных, и возбуждала в них чувства народной гордости: теперь, как и в то громкое для их славы время, они решились на кровопролитную войну для защиты своих гостей» [14: 471]. О героической песне как «неиссякаемом источнике воинственного энтузиазма» адыгов, возбуждавшей и «неослабно поддерживавшей в них воинственный дух, ненасытную жажду славы и подвигов», писал и Адиль-Гирей Кешев [7: 228, 229]. Показателен пример более позднего времени, когда воины-кабардинцы из состава Кавказской Туземной дивизии у походного костра поют историко-героическую песню о Кучуке Аджигериеве [18: 209].

настоящем положении шапсугов и натухайцев; тут кто-то сказал, что такая-то река служит границей между этими племенами. «Неправда, неправда! Это наша река, шапсугская, мы только позволили там поселиться нескольким беднякам натухайцам!» – вскричал Бесльный...» [14: 507].

Несколько лет спустя этот эпизод о чересполосном характере расселения получил следующее отражение в «Записках о Черкесии»: «На всех сих реках живут большею частию шапсугцы, но как натхоккоадыцы заняли восточнее их лежащие места до Адекума <...> то сия река почитается <...> границей между сими обоими коленами, со стороны северных равнин» [14: 70].

Продолжительное общение с Бесленеем, незаурядной личностью и носителем традиционного мышления адыгской аристократии, произвело неизгладимое впечатление на Хан-Гирея¹. Противоречивый образ шапсугского дворянина, сохранившийся в памяти Хан-Гирея, настоятельно требовал художественного воплощения, и не исключено, что именно тогда Хан-Гирей открыл для себя многообещающий жанр биографических очерков, решив начать задуманную серию о «знаменитых черкесах» с жизнеописания Бесленея Абата.

Собирая сведения для этой серии, а также накапливая материал о героях «второго плана», вокруг которых должны были строиться сюжетные блоки в беллетристических трудах, Хан-Гирей осознает всю сложность подобной работы: «...собрание этих сведений дело более трудное, чем кажется с первого взгляда: люди, которые должны быть предметом вашего труда, жили недавно; искры уважения и ненависти еще таятся в сердцах современников – их друзей и врагов; семейные и общественные их отношения еще свежи; и потому рассказы о их делах, характерах, подвигах и преступлениях – один другому противоречат и в важнейших случаях с очевидными преувеличениями, не говоря уже о том, что подобные рассказы по необходимости должны носить различные оттенки» [14: 514-515].

Этот обширный пассаж в полной мере относится к такой своеобразной личности, как Бесленей Абат, жизнеописание которого состоит из множества фольклорных эпизодов, нанизанных на единую сюжетную ось. Естественно, не все из них были записаны из уст главного героя – откровенное изложение черт его характера («капризы, странности и беспокойные привычки, которые оставили множество интересных анекдотов») явно имеет внешнее происхождение. Кроме того, Бесленей должен был считаться с законами дворянской чести, накладывавшими жесткий запрет на любое проявление самовосхваления [1: 43-44].

Автор вынужден перепроверять и сравнивать информацию о Бесленее, исходящую из разных источников, для выбора наиболее оптимальной, достоверной версии событий: «О последнем свидании этих двух соперников рассказывают различно, как это и должно ожидать» [14: 487]. Хан-Гирей отчетливо сознает заведомую противоречивость этих сведений, но предпочтение

¹ См., напр.: «...его мысли показались мне любопытными по оригинальности, с которою он их выразил, и я, после, вечером, записал его слова в своей памятной книжке» [14: 507]. Этот же фрагмент, кстати, отражает и способ фиксации изустного материала Хан-Гиреем.

все же отдает очевидцу – главному действующему лицу – непосредственному участнику событий: «Сам Бесльный говорил мне (и его слов нельзя не предпочесть рассказам многих...)» [14: 487]. Располагая обширными записями бесед с Абатом, Хан-Гирей вплетает в ткань повествования прямую речь своего героя или дословно пересказывает его точку зрения, пользуясь выражениями: «по собственным его словам...» [14: 493], «по собственному его выражению» [14: 492], «по образу его изъяснения...» [14: 493] и т.п.

Впрочем, с подобными трудностями автор сталкивался, конечно, не только при накоплении информации биографического плана. Так, глава «Записок о Черкесии», посвященная водным объектам, предваряется уточнением: «Сведения же, в следующей таблице предлагаемые, собранные мною наскоро, по разным показаниям, – неудовлетворительны; лица, которые сообщали мне эти сведения, во многом между собою противоречили...» [14: 57]. В других случаях он предпочитает приводить все имеющиеся у него версии: «Это предание кажется более правдоподобным, однако ж есть и другие предания, по которым полагают...» [14: 145] (о происхождении бесленеевцев).

Как мы уже говорили выше, на протяжении 1837 – 1842 гг. Хан-Гирей несколько раз имел возможность жить и работать в Гривенно-Черкесской станции, где находилась принадлежавшая ему усадьба. В эти периоды им был завершён ряд литературных трудов, из которых при его жизни успели увидеть свет «Черкесские предания» (в 1841 г.) и очерк «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» (1842). Естественно, что Хан-Гирей не прекращал и собирательскую работу, пользуясь любой представлявшейся ему возможностью. Достаточно упомянуть, что даже во время праздника, устроенного в Гривенной в честь его возвращения после многолетнего отсутствия, он «расположился в самой отдаленной и глухой комнате, и тут записывал содержание одной, по-видимому, очень древней песни»¹ [14: 543-544].

О попытке специального приглашения Хан-Гиреем знатоков черкесского фольклора с целью записи его образцов писал Адиль-Гирей Кешев: «...лет тридцать тому назад [т.е. около 1839 г. – М.Г.], один влиятельный черкес, обладавший небольшим европейским образованием, пригласил к себе известного в то время между черкесами певца, обладал и одарил его щедро. Сначала певец развлекал усердно радушного хозяина богатым запасом старинных песен, но когда услышал, что хозяин желал бы записать кое-что из сокровищ обширной его памяти, то он поспешил оставить его дом» [7: 236].

В период пребывания Хан-Гирея в Гривенной в 1837 г., у него вызревает замысел еще одного биографического очерка, навеянного продолжительным и плодотворным общением автора с бжедугским князем Пшекуем Ахеджаковым. «Дней десять пробыл он со мною, – вспоминал об этом Хан-Гирей, – и, признаюсь, это доставило мне величайшее наслаждение: я находил отраду в

¹ Напрашивается явная параллель с временным «уходом из мира» джегуако в момент сотворения песенного текста. Об уединении в чаче с целью самоизоляции от внешнего мира как мифо-ритуальном действии см.: [12: 34].

беседе с таким человеком, в устах которого оживлялись родная старина, рыцарский быт народа и пламенные геройские песни древних черкесов» [14: 543].

Колоритный образ Пшекуя Ахеджакова и ранее занимал воображение Хан-Гирея. Об этом свидетельствует изложенный в «Записках о Черкесии» эпизод о князе-гадателе по бараньей лопатке [14: 88] (в биографическом очерке этот фрагмент подается уже в более развернутом виде¹ [14: 518-519]). Теперь же он стал персонажем отдельного произведения. Вероятно, что к этому Хан-Гирея отчасти побудила кончина князя Ахеджакова, последовавшая через два месяца после их встречи.

Воспринимая своего героя как символ уходящей в прошлое традиционной Черкесии, он стремится запечатлеть облик человека, который, по словам и друзей, и врагов, «был последним из мужественных князей черкесских, предания об отважных подвигах которых волнуют сердца потомков» [14: 544].

Биографический очерк «Князь Пшьской Аходягоко», так же, как и целый ряд других трудов Хан-Гирея, увидел свет уже после его кончины. К сожалению, обширным и многообещающим планам выдающегося адыгского ученого и писателя не дано было осуществиться.

На одном из его проектов хотелось бы остановиться подробнее. Анализируя труды Хан-Гирея, можно сделать вывод, что еще в начале своей научной карьеры, осознав значимость созданной им адыгской письменности, он разрабатывает грандиозный проект, частично осуществить который удалось его сподвижнику Шоре Ногмову [11]. Сознвая непреходящую ценность положенных на бумагу текстов для будущих поколений исследователей, Хан-Гирей ставит перед собою своеобразную программу-максимум сбора, систематизации и публикации адыгского фольклорного и этнографического наследия, основные направления деятельности которой конкретизируются им в многочисленных ремарках, разбросанных по текстам его книг: «Каждое из племен, составляющих здесь описываемый народ, имеет множество подобных анекдотов, которые старцы с благоговением детям своим передают, и собрание их было бы весьма любопытно, но теперь мы ограничимся этими немногими» [14: 276] (о народных новеллах – хабарах); «Для доказательства мы могли бы привести здесь множество примеров, но, предоставляя себе когда-нибудь пространнее поговорить о сих предметах, ограничимся немногими замечаниями» [14: 385] (о бытовании у адыгов древних сказаний); «Об этой сабле есть много преданий, которые, может быть, я опишу когда-нибудь» [14: 371] (при описании обряда возвращения фамильной реликвии бжедугских дворян Шумноковых); «Подобных обрядов верования чрезвычайно много осталось в свежей

¹ Фактически, в данном эпизоде Хан-Гирей описывает момент порождения фольклорного текста, в свою очередь, повествующего об определении своей судьбы человеком, оказавшимся готовым к совершению героического деяния: «случай представил ему возможность отличиться и обратить на себя общее внимание» [14: 518] «и с этого дня его имя прогремело повсюду» [14: 519]. Ср.: аналогичный эпизод (отражение вражеского набега) из жизнеописания Тугужа Хакуринова (которого хаджи-Зачерий Брантов считал достойнейшим из абадзехов): так повседневная реальность становится основой фольклорных текстов [2: 84-85].

памяти горных черкесских племен, и собрание подробного описания их было бы весьма любопытно...» [14: 86] (о традиционной черкесской религии).

Вероятно, что какие-то из вышеперечисленных сюжетов готовились к публикации в первую очередь. О том, что этот многообещающий проект был готов перейти в практическую плоскость, свидетельствовал сам Хан-Гирей: «Песня <...> и старые сказания о Кайсине помещены в рукописном собрании древних черкесских песен и преданий, составляемом мною в течение уже нескольких лет» [14: 380]. Не исключено, что именно этот сборник имел в виду издатель «Мифологии черкесских народов» (вышедшей уже после кончины Хан-Гирея), упоминая «просвещенного горца», который «оставил множество драгоценных материалов» [14: 455]. К сожалению, рукопись этого уникального фольклорного собрания ныне можно считать окончательно утраченной...

По прошествии более чем полутора столетий с момента кончины Хан-Гирея, адыгведческая наука, патриархом которой он заслуженно является, сделала немало важных и перспективных открытий. Однако ее базовые постулаты, которые для себя и позднейших исследователей сформулировал Хан-Гирей, остаются неизменными. И ныне ни один специалист, соприкасающийся с адыгским прошлым, не может обойтись без фольклорных источников, не имеет права не знать классических текстов, многие из которых были собраны еще Хан-Гиреем. И пусть фольклорное «поле» стремительно сужается – этот недостаток могут восполнить новые оригинальные методы исследования, отличающиеся синтезом подходов и филигранной точностью проникновения в суть проблемы. Созданные в XXI веке, они позволяют нам пристальнее вглядываться в прошлое и извлекать глубинный смысл из текстов, записанных в XIX веке – веке Хан-Гирея.

Примечания

1. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 1999. – 96 с.
2. *Брантов З.-хаджи.* Абадзехский сказ / Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии, вступительная статья А.К. Чеучевой, И.К. Брантовой. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2014. – 344 с.
3. *Бурнашев В.П.* Из воспоминаний петербургского старожила // Заря. – СПб., 1871. – № 4. – С. 3-45.
4. *Вершигора А.Д.* Хан-Гирей: новые документы и источники. – Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 2003. – 155 с.
5. *Губжоков М.Н.* Хан-Гиреем невоспетые герои: к интеллектуальной истории адыгов XIX века // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию В.Х. Кажарова. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2009. – С. 294-309.
6. *Жемухов С.Н.* Философия истории Шоры Ногма. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 228 с.
7. *Каламбий (Адыль-Гирей Кешев).* Характер адыгских песен // Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – С. 222-237.
8. *Карпов Ю.Ю.* Мужские союзы в культуре и общественной жизни горцев Кавказа // Россия и Кавказ. – СПб.: ЗАО Журнал «Звезда»: Довлатовский фонд, 2003. – С. 64-84.

9. *Клочков Д.А.* «Отличные храбростью...». Собственный Его Императорского Величества конвой. 1829-1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. – СПб., 2007. – 348 с.

10. *Косвен М.О.* Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М.: Изд-во восточ. лит., 1961. – С. 184-208.

11. *Ногма Ш.Б.* Кабардинские народные исторические песни и сказания // Ногма Ш.Б. Филологические труды: В 2 т. Т. 1. – Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1956. – С. 41-117.

12. *Паштова М.М.* Черкесский гостиный дом: опыт исследования универсальных и локальных культурно-исторических форм // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук. – 2014. – № 4 (23). – С. 26-41.

13. *Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1899. – 485 с.

14. *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы / Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии М.Н. Губжокова. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2009. – 672 с.

15. *Туганов Р.У.* Страницы прошлого (Заметки краеведа). – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 142 с.

16. *Унарокова М.Ю.* К вопросу фамильной структуры и природы однофамильности в темиргойском ауле // Материалы по этнографии Грузии. XXII. Хелеури (сб.) (на груз. яз.). – Тбилиси: Мецниереба, 1985. – С. 229-243.

17. *Унарокова Р.Б.* Песенная культура адыгов (эстетико-информационный аспект). – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 216 с.

18. *Хотко С.Х.* Открытие Черкесии. Картографические источники XIV – XIX вв. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 292 с.

19. *Чемсо А.К.* Гривенно-Черкесская станица. – Краснодар: Краснодар. известия, 2002. – 178 с.